

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЯПОНСКАЯ МОЗАИКА

*Сборник статей
памяти профессора
Владислава Никаноровича
ГОРЕГЛЯДА*

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2009

Фудараку-токай: быстрое попадание в рай

Недостижимой целью для японских буддистов были попытки достичь Обетованной земли, не выходя за пределы материального мира. В основе многих японских религиозных направлений лежит настойчивое желание получить все блага в посюсторонней жизни (гэндзэ рияку). Представление о существовании благодатной земли Потолоака (*яп.* Фудараку), ассоциируемой с раем бодхисаттвы Каннон, была позаимствована из индийской буддистской традиции. Впервые об этой земле, как о некоем острове в Южном море упоминается в «Аватамсака-сутре», однако в Индии эта идея не пользовалась особенной популярностью. С другой стороны, в Тибете и Японии подобные представления встретили хороший отклик и с течением времени оказались включены в раннюю традицию местного происхождения. В Китае земля Потолоака сопоставлялась с островом Пу-шань, расположенным недалеко от провинции Чжэцзян: на этом острове часто останавливались японские паломники по пути в Китай или обратно.

В Японии идея достижимого исключительно посюсторонними способами рая — Фудараку — интерпретировалась амидаистами как некий затерянный в океане остров, путь к которому открыт только для искренне верующих.

Одним из самых ранних источников, упоминающих о Фудараку, является «Гимн Будде» в позднехэйанском собрании стихотворений «Рёдзин хисё» (гл. 2), где говорится:

Великой милостью Каннон является корабль,
Плывущий по морю к Фудараку.
И если кто-то стремится обрести благие корни,
Он должен взойти на этот корабль и по морю отправиться в рай.

Первоначально с Фудараку-сан в буддистских сочинениях ассоциировалась гора Никко-сан, но в последующие века местом отправления в рай Фудараку стала связанная с культом Каннон область Кумано на полуострове Кии. Это место пользовалось популярностью как особый центр, куда стекались глубоко верующие и готовые к самопожертвованию аскеты. Со времен эры Хэйан гора Нати в области Кумано считалась «Восточными воротами в рай Фудараку». Концептуальной осно-

вой этой необычной буддийской практики были определенные воззрения, существовавшие в ранней японской религии.

Я имею в виду имевшиеся в фольклоре представления о «заморских гостях» (марэбито), о дворце царя драконов (рюгу), символизирующем сокрытый от всех утопический мир, где-то за или под морем, где находится также благословенная страна Токоноё, Нэ-но куни или Хаха-но куни, похожая на Елисейские поля. В «Нихон сёки» говорится о том, что Сукуна-бикона-но микото отправился на мыс Кумано, откуда проследовал в Вечную Землю» (Aston, p. 60). Три горы на Кумано уже издревле считались священными, и в эпоху Муромати широко распространенные среди местного населения религиозные воззрения придали им еще большую значимость. Люди верили в то, что духи предков пребывают там вечно, но в определенные дни навещают своих родственников, остающихся на земле. Гораи Сигэру предполагает, что в древности «похороны в воде» были обычной практикой, особенно среди японцев, живших на морском побережье. Потом практика эта была почти полностью забыта, и лишь отрывочные упоминания в древних легендах (Урасима Таро), мифах (Сукуна-бикона, возвращающийся после смерти в Токоноё) и волшебных сказках (чудесные юноши, появляющиеся из вод) представляют собой реликты прежних представлений. Согласно им, Токоноё находилась где-то далеко за морем, неизвестно в каком направлении. Уже ко времени «Манъёсю» и «Нихонги» концепция существования Токоноё переплелась с заимствованной из Китая даосской идеей существования Острова Бессмертных Пэнлай. Неслучайно китайская легенда о Сюй Фу, отправившемся на поиск Островов Бессмертных и никогда не вернувшимся домой, была в Японии связана с Кумано. Здесь верили, что Сюй Фу достиг Японских островов и остался там навсегда, а его могила до сих пор существует в Кумано.

В стихотворении дзэнского поэта Дзэкан Тюсин (1336–1406), представленной им китайскому императору Тай-цю во время своего пребывания в Китае в 1476 г., говорится:

У подножья гор Кумано стоит усыпальница Сюй Фу.
После дождя вокруг нее расцветают целебные травы.
Лишь теперь успокоились волны бурного моря,
И с попутным ветром Сюй Фу непременно вернется домой.

(*Ямагиси*, 1966. P. 116.)

Вероятно, более тщательное изучение области Кумано может дать более убедительные объяснения того, почему именно она ассоциировалась с Фудараку-токаи.

Стоит отметить, что следы первоначальных воззрений заметны и в существующей на Окинава вере в Нираи-Канаи и празднествах Акамата-Куромата на архипелаге Амами-Осима. Амбивалентная природа «благословенной земли», отождествляемой с потусторонним миром, давала верующим надежду на достижение рая путем ритуального самоубийства.

С древности область Кумано ассоциировалась с царством мертвых, и рай Фудараку, расположенный «Где-то за морем», стал его антиподом. Обычно святой, намеревающийся добраться до земли Фудараку, погружался в напоминающую гроб лодку, наполненную запасом еды, воды и маслом для светильника. Затем крышку задрывали и отправляли лодку в никуда. Встречаются отрывочные сведения о том, что подобный ритуал существовал и в других местах, например, в храме Ситэн-дзи в Осака, откуда святые отправлялись через Западные ворота в гавань Нанива, в надежде достичь Западного рая Будды Амида.

В «Кумано нэндай-ки», летописи храма Сингу в Кумано, приводятся имена двадцати человек, совершивших такое благочестивое путешествие. Самая ранняя дата — 868 г. (Дзёкан 10): тогда в Фудараку отправился Кэйрю-сёнин. Следующая запись относится к 919 г. (Энги 19) и сообщается, что в благословенную землю отправился Юсин-сёнин с тринадцатью спутниками. Все упоминаемые в этой летописи люди принадлежали к Фударакусан-дзи при храме Хама-но мия на полуострове Кии (ныне — префектура Вакаяма). Многие из них отправлялись в путешествие в сопровождении от пяти до шестнадцати человек. Биографии святых самоубийц встречаются в летописи до 1722 г. (Кёхо 7).

Однако первые три имени, вероятно, были добавлены позже исключительно ради того, чтобы показать древние корни существующей традиции. Эти святые не упомянуты на мемориальной стеле, установленной на территории Фударакусан-дзи, и не включены в записи, хранящиеся в храме. Таким образом, лишь дата отправления в благословенную землю четвертого святого, Юсона, относящаяся к 1441 г. (Какити 1), может быть подтверждена другими свидетельствами.

Миссионеры-иезуиты оставили ученым грядущих веков наиболее яркие и подробные записи о «варварском ритуальном самоубийстве по наущению дьявола». Эти записи относятся к XVI–XVII вв., когда практика «путешествия в Фудараку» достигла своего апогея. Записи миссионеров хранятся ныне в испанских и португальских архивах (библиотеках Лиссабона, Коимбры, Эворы, Алькалы и Ажуда) и являются бесценным подробным описанием ритуала, лишь вскользь упоминаемого в японских источниках.

Самым ранним свидетельством является письмо падре Гаспара Виела (1562 г.), сообщающего о ритуале, совершенном в городе Сакаи. Некий человек, почувствовав усталость от нечистоты этого мира, долгое время постился, отказывался от сна, потом устроил прощальную вечеринку с распиванием сакэ, после чего отправился в море в выдолбленной лодке (*almadia*) с целью достичь Небесной земли. Он захватил с собой большой серп, для преодоления любых препятствий на пути, а чтобы утонуть наверняка, привязал большой камень к спине и положил камни в рукава кимоно. Ставший свидетелем этой сцены португалец упоминает, что «священника сопровождали еще семь человек».

Красочное описание ритуала появляется в 1564 г. в «Истории Японии» (*Historia de Japam*) Луиша Фройша (гл. 18):

«Существует также практика похорон заживо. Ритуал обычно осуществляется фанатичными верующими, надеющимися достичь великолепия (*gloria*) Амиды. В этом году ирман (брат) Луиш д'Альмейда и я прибыли по дороге в столицу в Хориё в провинции Иё, находящейся приблизительно в сорока лигах от Бунго. Там мы услышали о том, что шесть или семь дней назад состоялась церемония жертвоприношения Дьяволу.

В этой провинции подобная церемония постоянно проводится с соблюдением определенных правил. За несколько дней до совершения ритуала шесть мужчин и две женщины начали бродить по округе, собирая милостыню (*кандзин*). Завершив свою миссию, они отправились прощаться со своими друзьями и родственниками. По мере того как приближался день их отплытия для приобщения к великолепию Амиды, они старались как можно быстрее завершить свои приготовления. Все без исключения надели свои лучшие одежды, вложили в рукава кимоно собранную милостыню, попрощались с родственниками и отправились на берег. Там все они взошли на специально построенную лодку. Каждый из них привязал к шее, груди, талии, или к бедрам и ступням большие камни, и они еще раз простились с собравшимися на берегу родственниками. А те, хотя и громко рыдали, но в душе испытывали огромную зависть к тем, кто решился обрести святость и достичь земли высочайшего блаженства.

Когда они вышли в открытое море, родные и друзья уселись в другую лодку и последовали за ними, чтобы еще раз проститься. Отойдя от берега на расстояние трех-четырех пушечных выстрелов, они отправились на самое дно моря, а вернее будет сказать, на самое дно Ада. А те, кто следовал за ними, начали стрелять по опустевшей неподвижной лодке, ибо эта лодка была непригодна к обычному плаванию по морю.

Вернувшись на берег, они воздвигли там маленькую часовню, на крыше которой прикрепили к деревянной палочке бумажную ленту. Кроме того, был воздвигнут столб с иероглифами, означающими все имена ушедших, а рядом с ним посадили маленькую сосенку. Здание обычно заполнено фанатиками, возносящими хвалебные песнопения. Каждую ночь толпы людей расходятся по домам, а наутро опять возвращаются в молельню, построенную в честь восьми самоубийц, ставших дьяволами. Приходить туда ежедневно на поклонение — обычное дело для местных жителей. <...>

У некоторых из тех, кто доверил свое тело морю, имелись в руках длинные серпы. Нам объяснили, что они необходимы для того, чтобы рассекать колючие кустарники, которые могут помешать их продвижению. Иногда люди не кидаются в море сами, а проделывают в днище лодки отверстие и вставляют туда затычку. Вытащив ее в открытом море, они погружались на дно вместе с лодкой».

В этом случае, как и во многих других, предварительное собрание милостыни было нацелено на то, чтобы связать прочными узами тех, кто дал подаяние, с теми, кто совершил самопожертвование.

Отец Луиш де Гузман включает в свою «Историю миссий» («*Historia de las misiones*») описание, отчасти совпадающее как с рассказом Виела, так и с сообщением Фройша.

Все иезуиты считали Фудараку-токай своеобразным ритуальным самоубийством, хотя в то же время отмечали счастливое и радостное настроение тех, кто отправлялся в Западный Рай богини Каннон. В любом случае, это было замещением и альтернативой финального путешествия в Западную Чистую Страну Амиды, пусть и расположенную где-то в южных морях. Структурно это отвечало ожиданиям верующих, которые мечтали о встрече с блистательными существами в Чистой Земле.

Осуществлявшийся предварительно особый ритуал очищения, включавший в себя изнуряющий отказ от сна, строгий пост и собрание милостыни с истово верующих, предполагал искупление всех совершенных в этой жизни грехов. Мы можем утверждать, что, поскольку в действительности были вовлечены все верующие, это был своеобразный ритуал жертвоприношения. В одном случае (1578) некий Сэйгэн-сёнин отправился в Фудараку «ради своих родителей» («Кумано нэндайки»). Среди ямабуси и бродячих хидзири обычным явлением был «заместительный аскетизм» (дайджюку) представлявший собой намеренное самопожертвование ради обычных людей. Во многих случаях группа прихожан собирала большую сумму денег, которую потом помещали в

предназначенную к затоплению лодку. Это позволяло всем, подавшим милостыню, установить незримые узы с добровольной жертвой, что, согласно поверью, не только обеспечивало им место в раю, но и прибавляло процветания и счастья в этой жизни.

Над лодкой устанавливали арку с четырьмя синтоистскими воротами-тории, что превращало ее в храм, и божество могло с любой стороны проникнуть туда. Те, кто пожертвовал деньги для сакрального путешествия, и те, кто был избран для сопровождения, в определенном смысле соединялись неразрывными узами с теми, кто намеревался погрузиться в море и достичь иного мира. Надежных свидетельств того, что «спутники» тоже были вынуждены погружаться в море, нет. Возможно, так называли тех, кто входил в группу, собиравшую милостыню, и обеспечивал духовную поддержку человеку, жаждущему совершить Фудараку-токай. В их обязанности входила, скорее всего, определенная помощь аскету на предварительной стадии, просверливание отверстия в лодке или стрельба по лодке.

Так или иначе, у нас нет достоверных свидетельств того, как умирали осуществлявшие самопожертвование священники. Привязанные к спине или вложенные в рукава кимоно камни предполагают самоутопление, однако в то же время существует рассказ об одном монахе, который, вместо того, чтобы попасть на Фудараку, прибыл на острова Рюкю. Не только в знаменитом романе Иноуэ Ясуси, но и в исторических летописях говорится о том, что некоторые монахи потом отказывались от своего первоначального намерения.

Область Кумано, ставшая центром паломничества, а начиная с эпохи Муромати местом, в котором последователи сюэндо практиковали «горный аскетизм», казалась местом, наиболее подходящим для достижения бессмертия в этом теле. Некоторые аскеты предпочитали практику само-мумифицирования (*миира*) в горах, а другие отправлялись за море, в рай богини Каннон. Шестнадцатый и семнадцатый века, время непрекращающихся войн, природных катастроф и голода, не только породило ориентированные на пришествие будды Мироку движения *ёнаоси*, но и стимулировало появление более радикальных методов достижения спасения для прекращения земных страданий и мучений. Маргинальные секты в рамках Амидаистской и Нитирэнновской школ отрицали ранее признанные авторитеты и ценности и выдвигали новые теории и методы, из-за чего, как еретики, были вынуждены уйти в подполье. Есть полувывмышленные свидетельства того, что в одной из Нитирэнских школ практиковался такой ритуал: верующего помещали на трон в форме цветка лотоса с восемью металлическими лепестками,

а потом снизу протыкали железным штырем, отчего посвященный якобы возносился к будде Амида.

Странствующие по стране ямабуси разносили свое синкретическое учение по отдаленным и недоступным сельским и высокогорным районам Японии и являлись для крестьян наиболее надежными советчиками во всех жизненных делах. И хотя неортодоксальные практики подвергались осуждению со стороны как светских, так и духовных авторитетов, подавить их до конца так и не удалось.

Самоубийство (*сясин*), самоутопление (*дзюсуй*) и самосожжение (*кадзё*) как средство достижения Западного Рая в соответствии с представлениями ортодоксального буддизма не осуждались, а прославлялись в биографиях монахов в «Одзё-дэн» или «Хонтё хоккэ кэнки» и находили оправдание в национальной традиции. Ритуал Фудараку-токай — путешествие, предпринимаемое с целью достижения вечного блаженства, — просуществовал в неизменном виде до начала восемнадцатого века, когда изменение идеологической и политической ситуации в Японии привело к его исчезновению, и он стал восприниматься лишь как любопытный обычай глубокой старины.

Литература

- Aston W. G. *Shinto, the Way of Gods*. London, 1905.
- Гораи Сигэру*. Фудараку то Токоё-но куни (Фудараку и Заморский Рай) — Дзоку буккё то миндзоку. Токио, 1979.
- Михаси Такэси*. Иэдзукай сэнкёси но мита Фудараку синко (Вера в Фудараку глазами миссионеров-иезуитов). «Каннон синко», 1992. Р. 62–164.
- Обатакэ Киитиро*. Фудараку токай. — Кокугакуин дзасси. Т. 65. С. 10–11.
- Сираи Нобуёси*. Фудараку токай. — Нихон рэкиси. Т. 71.
- Тамамару Исаму*. Буккё то дзисацу (Буддизм и самоубийства) — Буккё то дзисацу. Токио, 1975.
- Тоёсима Осаму*. Кайдзё такай то Фудараку синко (Заморский мир и вера в Фудараку). — «Буккё миндзокугаку тайкэй». Т. 3. Токио, 1987.
- Ямагиси Токухэй* (ред.). Годзан бунгакюсю. Эдо кансисю (Литература Пяти монастырей и китайские стихотворения эпохи Эдо). — «Нихон бунгаку тайкэй». Т. 89. Токио, 1966.